

ПЕСНИ ПОД ГИТАРУ

Выпуск 22-й

Обычная московская биография: школа на Таганке. Замоскворецкие дворы. Студенческие годы. Алик Мирзаян — завзятый похотник. Беспокойство, которое мы начинаем ощущать в юности, ищет поначалу внешнего выхода. Алтай, Саяны, Забайкалье, Заполярье... И конечно — костер, гитара, песня. Это переживают многие. И у многих это остается лишь юношеским

и слов, которое угадывает движения человеческой души и само способно привести душу в движение.

Лишь музыка не держит, что нашла,
Но ей одной дано касаться двери,
К которой так торопится душа,
Где каждому откроется по вере.

«МЕНЯ МОЙ ГОЛОС СРАЗУ ВЫДАСТ»

воспоминанием, милым отблеском памяти. Но в сорок три года уйти по собственному желанию из престижного физического института в только что организованный театр песни — это уже биография необычная.

Пусть кричат, что не так мы живем,
Заливаются певчие сварой —
Мы идем под скользким огнем.
Как щитом, прикрываясь гитарой.

На смену романтической волне авторской песни шестидесятых годов пришло новое поколение — острое, неожиданное. Авторская песня становится глубже и напряженней, сливаясь с настоящей поэзией и принимая на себя всю ответственность за слово.

Те, кто старается оправдать себя или осудить других, могут называть семидесятые годы временем застоя. Правильнее назвать их временем борьбы с застоем. Мирзаян был одним из тех, кто не дождался втихую лучших времен. «К нам возвращается поэзия Иосифа Бродского», — можно прочесть сегодня в литературном обзоре. Но она от нас и не уходила! Уже лет пятнадцать назад мы слушали песни Мирзаяна на слова Бродского. «Мне говорят, что надо уезжать...», «Да не будет дано умереть мне вдали от тебя...», «Ни страны, ни погоста не хочу выбирать...», «Письма римскому другу» — может быть, «тираж» переписываемых с магнитофона на магнитофон записей не меньше тиража толстого журнала.

Песни Мирзаяна дают возможность не только узнать стихи Даниила Хармса, Марины Цветаевой, Виктора Сосноры и других не простых для восприятия поэтов, но и по-настоящему понять их, глубоко почувствовать. Может быть, именно в этом союзе чувства и мысли, который закреплен музыкой, словом и интонацией, — главная особенность песен Мирзаяна.

Среди великих запевал
В ботинках, купленных на вырост,
Меня мой голос сразу выдаст,
Каких бы слов ни называл.

Мирзаян не считает себя стихотворцем, поэтом в литературном смысле этого слова. Он пишет текст или выбирает его — для песни, для слияния музыки

Мирзаян на сцене, как и в жизни, обаятелен и открыт. Это не поиск успеха. Это работа. Он приглашает в напряженное поле своего творчества каждого, кто готов разделить это напряжение. У него не бывает концертов без множества записок, без ответов на них, без диалога со своим слушателем. Впрочем, любая из его песен — часть этого диалога.

Песни Мирзаяна не просты для восприятия. Следуют одна за другой вспышки метафор, цепочки ассоциаций. Неожиданные отражения привычного в зеркалах иронии и самоиронии. Странный, порою разорванный синтаксис собственных текстов. Да и чужой текст «осваивается» Мирзаяном, видоизменяется в незаметных на первый взгляд деталях, потому что стихи превращаются в песню. Некоторые песни Мирзаяна трудно слушать до тех пор, пока не освоишь их, пока не пройдешь тот путь, который прошел он сам, создавая песню.

То и свету у нас,
Когда искры из глаз
Озаряют ошибкой ошибку.
На телеге с веслом

По оврагу гребем,
Да зовем государыню-рыбку.

Его песни актуальны не только своим образным языком, возбуждающим нашу историческую память и социальную причастность ко всему, что происходит вокруг нас. В них упрощен мир тех чувств, которые необходимы человеку во все времена. Но чувства эти не просто «воспеваются». Песня как бы испытывает их на подлинность, присматривается к ним, осмысливает их — пусть даже рискуя потерпеть неудачу.

Ах, кабы знать, чего мы не нашли,
Ах, кабы жить не мудрствуя лукаво,
Мы б это поле прощенья перешли,
Не наводя надежной переправы.

Но переправа — необходима. И строится она теми, кто понял необходимость этой работы не по сигналу сверху, а по внутреннему чувству. Александр Мирзаян, Владимир Бережков, Виктор Луферов, рано ушедшие от нас Вера Матвеева и поэт Леонид Губанов — разнообразие их творчества не мешало им делать общее дело: наводить переправу от тягостного времени бюрократически отфильтрованного искусства («Мне не нужно ваших песен и торжественных речей, карнавалы полумасок, полуправды, полудней») к времени сегодняшнему.

Было всякое. «С чужого голоса», «Кто они, барды?», «О чем плачет филин вторичного искусства?» — заголовки пер-

вых публикаций, посвященных творчеству Мирзаяна. А он... гордился тем, что его ругают.

С начала семидесятых годов Мирзаян признан в КСП, Клубе самодеятельной песни. Но и здесь бывало по-разному. «Александр Мирзаян по техническим причинам выступать не может», — объявляли с дощатой эстрады, вокруг которой собрались тысячи «каэспешников», и звук микрофона заглушал на открытом воздухе голос Мирзаяна: «Я могу, могу выступать, меня не пускают!..» Клуб самодеятельной песни не всегда умел сделать верный выбор, пытаясь балансировать между дозволенным и открытым. К сожалению, выбор чаще склонялся в сторону дозволенного.

Я просто так — случайный витьазь,
Стою у вашего огня,
Но вам твердят: «Не обожгитесь!»
А вы подуйте... на меня.

Был период, когда на Мирзаяна «подули» как следует, и концерты его были решительно запрещены. Но его знали, в песнях его нуждались. Это был период домашних выступлений, на которых публики собиралось столько, сколько могла вместить квартира или мастерская. «Выступления» эти переходили в общий разговор о жизни и об искусстве. В разговор о главном для человека. Это был период квартирных выставок живописи, домашних спектаклей, неформальных литературных объединений. Период внутреннего возобновления подлинной культуры общества, которая сейчас постепенно получает возможность раскрытия. И песни Мирзаяна делали свою необходимую работу.

Несколько лет подряд Мирзаян был непременным лауреатом московских и союзных фестивалей. В конце семидесятых он уже член конкурсных жюри. Вплоть до Всесоюзного жюри авторской песни, в которое входил сейчас. Лауреатские звания и заседания в жюри — искушение, которое не всякому удается выдержать. Решающим испытанием для нас становятся не огонь и вода, а медные трубы. Мирзаян спасает философичное умение посмеиваться над самим собой. «...Но все же близится черед и нам крутиться на пластинке, и племя новое придет, чтоб взять меня ножом и вилкой...» Впрочем, пластинок пока нет, хотя пора им появиться, давно пора!

Теперь — театр песни «Первый круг». Круг авторов, которые хотят видеть авторскую песню самостоятельным жанром настоящего искусства. Театр, который наверняка никогда не будет пустовать. Театр, который уже ездит по всей стране с настоящими песнями.

Александр ГОРОДНИЦКИЙ,
Виктор КРОТОВ.
Фото Г. ШАКИНА.

ВОСПОМИНАНИЯ О 60-х

Стихи и музыка Александра МИРЗАЯНА

Опять слова отходят от строки,
Когда я слышу здесь твои шаги —
Звучат, нигде не ведая преград,
На много лет вперед или назад

И так легко уводят за собой...
Я раздвигаю сумрак голубой —
Вот старый дом, вот старая луна,
Вот комната, в которой три окна.

Все те же тени прячутся у штор,
И эхо повторяет до сих пор
Все то, что я на звуки поменял.
И зеркала затянутый провал

Сквозь эту вдвое сложенную пыль
Не возвратит покинутую быль.
Лишь наверху, все окна отворив,
Поет рояль. И шербурский мотив...

И снова твой двойник
Перешагнет ров
Сквозь толщину книг,

Сквозь тишину слов
И скажет: «Мой Пер,
Держась за свой лист,
Не обманись вверх,
Не повторись вниз...»

Но не открыть шрам
И не впустить весть —
Что не отдал там,
Того не взять здесь.
И за тобой — в плыва...
Но если так плыть,
Перешагнув явь,
Не удержать нить.

...И все вперед зная,
К губам прижав миг:
Течет река вспять,
Горя огни, крик,
Твоей руки взмах,
И наш слепой грех,
И мой всегда страх,
И твой — тогда — смех...

